

DOI: 10.21626/j-chr/2020-2(23)/1

УДК: 316.624.3

ББК: 88.544.4

Психологические науки

6 Современные представления о школьном буллинге в России и за рубежом.

© *А.В. Фомина, Л.Н. Молчанова*

Фомина А.В. - аспирант, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России (КГМУ).

Молчанова Л.Н. - д.психол.н., профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России (КГМУ)

E-mail: molchanovaln@kursksmu.net

Адрес: 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3. Российская Федерация.

ABSTRACT

В статье представлен историко-ретроспективный анализ зарубежных и российских исследований школьного буллинга в период с конца XX века и до 2019 года. Цель анализа состоит в оценке влияния взглядов исследователей на формирование современного представления об этом феномене, его половозрастных, личностных и статусно-ролевых характеристиках как предикторах, а также основных мишенях профилактической работы.

Keywords: *представления, школьный буллинг, подростковый возраст, половозрастные и личностные особенности, статусно-ролевые позиции.*

В современном образовательном пространстве многие педагогические работники заговорили о проблеме травли в школьном коллективе. В каждом классе есть обучающиеся, которые систематически подвергаются психологическим и физическим формам агрессии со стороны одноклассников. Половина лиц подросткового возраста отмечают буллинг в своем окружении, причем 30% испытывают постоянное психологическое насилие. Более 60% школьников считают атмосферу в своей школе благоприятной, что говорит о низкой степени владения информацией о проблеме школьной травли.

В последнее время педагоги все чаще начали обращать внимание на эту проблему, хотя долгое время о ней было принято молчать. Сам феномен травли стал предметом изучения в начале XX века, но к проведению фундаментальных исследований приступили с 1990-х. У истоков изучения школьной травли стояли скандинавские и европейские ученые Д. Олвеус, А. Пикас и П. Хейнеманн, которые осуществили теоретический анализ проблемы и провели первые практические исследования [6].

Петер Пауль Хайнеманн в 1972 году издал книгу «Моббинг. Групповое насилие среди детей и взрослых», в которой изложил результаты многолетнего наблюдения за поведением детей в одной из шведских школ. Это была одна из первых книг, посвященная агрессии в школьном пространстве.

Согласно Паулю Хайнеманну травля представляет собой процесс, реализуемый в виде следующих этапов: нейтральное состояние группы (члены мирно общаются между собой); появление и развитие напряжения (по причине явления отвергнутого или новенького сверстника); процесс травли, где четко распределены роли жертвы, агрессора и наблюдателя; возвращение группы к первоначальному состоянию – уничтожение жертвы.

В 1973 норвежский ученый Дэн Олвеус в рамках своего исследования, посвященного агрессии в детской среде, накопил большой материал и опубликовал

книгу «Мальчики для битья и школьные хулиганы». Автор отмечал, что личностные особенности детей определяют выбор роли жертвы или агрессора. Дэн О. описал меры по борьбе со школьной травлей, которые легли в основу программ профилактики буллинга в скандинавских странах. В 1990-х годах была разработана программа профилактических мер и мер борьбы со школьной травлей, которая получила название «Olweus programme». Все современные научные исследования основаны на программе, разработанной Дэном Олвеусом. Исследователь уделял большое внимание окружению жертвы, его микросоциальной группе: семье и ближайшему окружению. Негативное социальное окружение является главным фактором воздействия на более слабых сверстников. Теория, разработанная Дном Олвеусом, является общепризнанной и выступает основой для многих исследований, посвященных буллингу [8].

В 1974 году появляются первые исследования школьной травли в Великобритании. Ученый Дэвид Лейн придумал структуру буллинга и описал вызывающие его факторы. Среди них ученый выделял семью и школьный коллектив как микросоциальную группу. Лейн одним из первых дал определение понятию буллинга, которое в дальнейшем было признано классическим, как длительного физического или психического насилия со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя самостоятельно [7]. Исследователь обратил внимание на текущее поведение человека, которое позволяет прогнозировать поведение в будущем, как на отсроченное последствие буллинга. Особая роль отводилась личностным особенностям, поскольку они определяют стиль поведения индивидуума. Лейн впервые выделил характеристики агрессора и жертвы. Так агрессору свойственны расчетливость, склонность к насилию, стрессовые ситуации, множественные проблемы. Жертва, как правило, имеет проблемы со здоровьем, низкий социальный статус, семейное неблагополучие, испытывает

социальную депривацию. Важную роль он отводил образовательной организации, так как от действий педагога и руководителя школы зависит длительность буллинга и его последствия [7].

Уникальный вклад в изучение сущности буллинга накоплен в тихоокеанских странах, в частности в Японии. Так как в этой стране выстроена четкая и строгая система образования, основанная на принципах коллективизма, поэтому школьная травля является распространенным явлением. Внутришкольный буллинг принимает изощренные формы, которые ученые назвали общим термином «Ijime» (идзимэ), означающим крайне жестокое групповое психологическое насилие в совокупности с физической агрессией, направленное на одного человека. Данное определение отличается от определения, общепринятого в европейских странах. Школьники воспринимают эту форму агрессии как вынужденную для того, чтобы вернуть в классный коллектив выпавшее звено. В 2013 году в Японии был принят Закон о развитии мер предотвращения издевательств, пусковым механизмом для принятия которого послужил суицидальный случай в неполной средней школе с одним из обучающихся. В данном нормативном акте было прописано, что каждой школе вменяются три обязанности: разработать политику по предотвращению издевательств в школе; создать действенную структуру для предотвращения травли; подготовить профилактические меры.

Несмотря на принятые меры, по итогам 2015 года количество детей, доведенных до суицида в образовательных организациях. В ноябре 2016 года были подготовлены указания о направлении дальнейших активных действий:

1. Юридическое определение факта издеательства и его разъяснение.

2. Уточнение школьной политики по предотвращению суицидов.

3. Разработка действенной структуры для предотвращения травли.

4. Усовершенствование профилактических мер.

5. Разъяснения определения ситуации с издеательствами.

6. Установление тесного контакта с родителями и местными организациями.

7. Уточнение рамок серьезных ситуаций.

Кроме того перед администрациями школ поставили первоочередную задачу: защита учеников, подвергшихся издеательствам со стороны сверстников, предотвращение суицидов [9].

Официальная статистика в Соединенных Штатах Америки гласит, что 40% семей не знают о насилии в школе в отношении их детей. По данным Департамента образования в Америке с 2012 года более 40% взрослых не были уведомлены о факте издеательства в отношении их детей. Школьники не говорят взрослым о травле по многим причинам: ребенок боится показать себя слабым и получить наказание от родителей за это; он хочет справиться с этой ситуацией самостоятельно; боится потерять уважение и поддержку со стороны одноклассников.

Проблема агрессивного поведения в школьной среде известна в Америке давно. Многие ученые отмечают, что у агрессоров отсутствуют социальные навыки поведения в обществе. Однако они обычно испытывают дискомфорт в общении с родителями или сверстниками и чаще всего занимаются online-издеательствами (можно постоянно и анонимно травить жертву). Первый крупный случай стрельбы в школе произошел в 1999 году в штате Колорадо. Двое учеников, используя стрелковое оружие и самодельные взрывные устройства, проникли на территорию своей школы и открыли стрельбу по ученикам и персоналу. В результате этого 37 человек было ранено, 13 из них смертельно, что послужило основанием для разработки и внедрения программы профилактики и вмешательства в агрессивное поведение детей по отношению друг к другу.

С 2007 года случаи стрельбы в американских школах стали учащаться. Это привело к тому, что психологи и социальные работники при поддержке

Департамента образования США провели масштабное исследование этой проблемы в 37 школах, в которых происходила стрельба. Данное исследование показало, что 75% детей-стрелков испытывали на себе постоянные издевательства и угрозы, а в 80% случаев 1 из одноклассников знал, что агрессор планирует свои действия (покупал оружие, писал эссе или стихи в интернете и т.д.). Был составлен его социальный портрет. Так в большинстве случаев агрессоры – это лица мужского пола, разные по возрасту, расе. Жертвы были случайны. Исследователи отмечают, что важно выявить те условия, в которых начинает развиваться буллинг [3].

Свое начало научные исследования буллинга в России берут с 2002 года. Так Баева Ирина Александровна в своей монографии по исследованию безопасности образовательной среды дает общее определение насилия как физического, психического, духовного воздействия на человека, которое неправомерно понижает его нравственный, психический и жизненный статус, причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также как угрозы такого воздействия [1]. И.А. Баева пишет, что во многих случаях отказ ребенка ходить в образовательную организацию и находиться в школьном коллективе связан с агрессивным поведением к нему со стороны одноклассников. В частых случаях подростки помимо физического насилия используют и психологическое, которое выражается в издевках, насмешках, унижительных оскорблениях и других формах вербальной агрессии [1].

Кравцова Марина Михайловна представляет феноменологическое описание ситуаций взаимоотношений с детьми, ставшими жертвами буллинга. Автор подробно исследует оскорбительные прозвища, которые подростки дают друг другу, а также ту лексику, при помощи которой школьники общаются в группе сверстников. Зачастую, эта лексика несет в себе различные «обзывалки» и «дразнилки», служащие инструментом травли для агрессоров. Для прекращения процесса травли школьный психолог М.М. Кравцо-

ва предлагает развивать толерантность у подростков, принимавших на себя роль агрессора, и повышать доверие у тех, кто стал жертвой буллинга. Данный подход характерен для отечественной психолого-педагогической практики. Его отрицательной стороной является работа лишь с последствиями буллинга, но не с его причинами [5].

Другой исследователь И.С. Кон, начиная с 2006-го года, проводит обширные и разносторонние исследования феномена подросткового буллинга. Одним из аспектов, интересующих автора, является гендерные свойства травли. Выявлено, что формы проявления буллинга различаются по гендерному признаку. Так, лица мужского пола чаще выбирают агрессивный тип поведения, так как считают, что такая позиция в классе наиболее привлекательная для женского пола. Девочки же в своем поведении чаще всего не используют прямого контакта с жертвой, а влияют на нее косвенно: бойкоты, слухи и сплетни, исключение из круга общения [4].

В 2013 году А. А. Бочавер и К. Д. Холмов в своих исследованиях более подробно описывают различные виды проявления подросткового буллинга. Ученые разводят понятия прямой и косвенной травли. Прямая травля среди подростков обычно выражается в физическом причинении вреда, то есть в избиении, вербальной агрессии, а также сплетен, слухов и бойкотирования. Ученые отмечают, что в средней школе подростки чаще всего используют прямые формы травли, вплоть до сексуальных комментариев и высказываний, разжигающих межнациональную рознь. Что касается косвенной травли, то она в основном проявляется в младшей школе.

Кроме того, авторы уделяют внимание и ролевым характеристикам жертвы, преследователя и свидетеля, позиции которых не являются жестко определенными. По мнению ученых тот или иной социальный статус участники буллинга занимают благодаря своим внутренним предпосылкам, личностным и поведенческим особенностям. К примеру, жертвы

более чувствительны и эмоциональны. Преследователи в свою очередь внутренне готовы применять насилие с целью самоутверждения, быть грубыми, агрессивными по отношению к взрослым и периодически впадающими в фрустрацию. Что касается свидетелей, то эту позицию могут занимать большинство участников буллинга. Такие подростки чаще всего испытывают чувство страха, беспомощности и стыда из-за невозможности ответить агрессору. Большинство обучающихся, подвергшихся школьной травле, мечтают занять место агрессора [2].

В 2013-2014 годах в России было проведено исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья». В соответствии с полученными результатами за 2010 год 23% детей в течение одного месяца испытывали на себе агрессивность со стороны сверстников. Каждый десятый из них в подростковом возрасте был подвержен буллингу ежемесячно. Около 6% обучающихся испытывали агрессию со стороны одноклассников ежедневно, а 4% – от одного до двух раз в месяц. Наиболее частыми участниками буллинга выступали подростки в возрасте от 11-ти до 13-ти лет, а к 15-ти годам агрессивные тенденции снижались. Кроме того, отмечалось, что мальчики и девочки примерно в равной степени испытывали на себе агрессивное поведение, но распространенность данного явления изменяется в зависимости от региона исследования. Школьники из семей с неблагополучным материальным положением в большей степени подвержены травле и чаще других участвуют в буллинге.

Большинство российских ученых в своих исследованиях делают акцент на буллинге как социальном процессе (причины, факторы, последствия и т.д.). Так, в диссертационном исследовании Дмитрия Николаевича Соловьева (2015) отмечено, что проблема буллинга изучена в трудах психологов и педагогов, но практически отсутствует практический опыт борьбы в образовательных организациях. Автор отмечает, что на практике школьный психолог учитывает факторы возникно-

вания буллинга (индивидуально-психологические и социально-психологические), но забывает о характеристиках классного коллектива как такового (например – низкий уровень социального развития группы) [11]. В диссертационной работе Виолетты Рубеновны Петросянц (2011) доказано, что в процессе травли принимают участие одни и те же обучающиеся. В каждом классе можно выделить подростка с особенностями в развитии, который чаще всего становится жертвой издевательств. Как правило, родители и педагоги не представляют масштабов проблемы и предпочитают не обращать на нее внимание, так как не владеют достаточной информацией о школьной травле [10].

Исследование половозрастных особенностей школьников как предикторов риска буллинга в образовательной среде, проведенное в 2019 году в г. Тула и Тульской области рядом авторов (К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева, 2019) позволило выявить основные личностные и статусно-ролевые характеристики обучающихся в ситуации прогнозируемого буллинга с учетом пола и возраста и определить мишени профилактической работы [12].

Среди младших школьников «группу риска» составили дети, занимающие разные статусные позиции в классе. В соответствии с полученными результатами у 57 % «звезд» диагностированы тревожность, демонстративность и склонность проявлять агрессию, что, видимо, обусловлено высокой обеспокоенностью в отношении сохранения собственного статуса. В «группу риска», кроме «звезд», вошли также «отвергнутые» и «непринятые» дети, тревожные, имеющие низкую самооценку, эмоциональные, поведенческие и коммуникативные проблемы. Среди старшеклассников «группу риска» составили учащиеся, занимающие социально-ролевые позиции «звезды» и «предпочитаемые», склонные к роли преследователя. Они обладают повышенной агрессивностью, низким уровнем эмпатии, личностной и коммуникативной толерантности,

а также ориентированы на соперничество. Старшеклассники, предрасположенные к роли жертвы, занимают социальный статус «отвергнутых» с низким уровнем агрессии, толерантности и принятия других, избегающих конфликтные ситуации [12]. Авторами сделан вывод о том, что в работе с младшими школьниками основная профилактическая работа должна быть сосредоточена на оптимизации социально-ролевых позиций в коллективе сверстников, а также на развитии коммуникативных навыков, снижении уровня агрессивности и личностной тревожности. В профилактике буллинга среди старшеклассников- потенциальных инициаторов усилия должны быть направлены на повышение уровня эмпатии и снижение

агрессивности, обучение продуктивным копинг-стратегиям поведения в конфликтных ситуациях, развитие личностной и коммуникативной толерантности, а среди старшеклассников-потенциальных жертв буллинга – ориентированы на формирование устойчивых границ собственного психологического пространства и повышение социометрической позиции в группе сверстников [12].

Таким образом, на сегодняшний день исследования феноменологии школьного буллинга, его половозрастных, личностных и статусно-ролевых характеристик как предикторов приобрели глобальный характер. Его профилактика требует проведения комплексной и систематической работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании / И.А.Баева. – СПб. Изд-во «Союз». – 2002. – С. 76-78.
2. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Бочавер А.А., Холмов К.Д. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. – Т. 10. – № 3. – 2013. – С. 149-159.
3. Иванова А.К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы/ А.К. Иванова // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – №5. – II с.
4. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться?/ И.С. Кон // Семья и школа. – 2006. – №11. – С.15-18.
5. Кравцова М.М. Дети-изгой психологическая работа с проблемой / М. М. Кравцова // Психолог в школе. – М: Генезис. – 2005. – С. III.
6. Кривцова С.В. Буллинг в классе. Как избежать беды?: пособие для родителей / С.В. Кривцова. – М.:ООО «Русское слово-учебник», 2018. – 48с. (ФГОС. Внеурочная деятельность. Мир без агрессии).
7. Лейн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Дэвида Лейна и Эндрю Миллера. – СПб.: Питер, 2001. – С. 240-274.
8. Наумова Н.Н. Зарубежные исследования феномена буллинга в 1980-90 годы / Н.Н. Наумова, А.С. Ефимова // Психологические науки. – № 5-1. – 2018. – С. 139-142
9. Нурутдинова А. Р. Образование в Японии: проблема агрессии детей и подростков / А. Р. Нурутдинова // Социальная педагогика. – Изд-во: Научно-исследовательский институт школьных технологий. – Москва, 2012. – С. 97-108.
10. Петросянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: автореф. дис. ... канд. психол. н. – СПб: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. –2011. – 29 с.
11. Соловьев Д.Н. Использование потенциала первичного коллектива в профилактике буллинга среди школьников подросткового возраста: дисс. ... канд. пед. н. – Тюмень, 2015. – 228 с.
12. Шалагинова К.С. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга / К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2019. – № 3. – С. 126-138. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138.

MODERN REPRESENTATIONS OF SCHOOL BULLYING IN RUSSIA AND ABROAD.

© *Anastasiya V. Fomina, Lyudmila N. Molchanova*

Fomina Anastasia V. - graduate student, Kursk State Medical University (KSMU).

Molchanova Lyudmila N. - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University (KSMU)
Email: molchanovaln@kursksmu.net

Address: 305041, Kursk, st. K. Marx, 3. Russian Federation.

ABSTRACT

A historical and retrospective analysis of foreign and Russian studies of school bullying from the end of the 20th century to 2019 is presented in the article. The purpose of the analysis is to assess the influence of the views of researchers on the formation of a modern understanding of this phenomenon, its gender and age, personality and status-role characteristics as predictors, as well as the main targets of preventive work.

Keywords: *representations, school bullying, adolescence, age and gender and personality characteristics, status-role positions.*

REFERENCE

1. Baeva I.A. Psychological safety in education / IA Baeva. - SPb. Publishing house "Union". - 2002. - S. 76-78.
2. Bochaver A.A. Bullying as an object of research and a cultural phenomenon // Bochaver A.A., Kholmov K.D. / Psychology. Journal of the Higher School of Economics. - T. 10. - No. 3. - 2013. - S. 149-159.
3. Ivanova A.K. Bullying and cyberbullying as a phenomenon of the educational environment: examples of modern research of the problem / A.K. Ivanova // Internet magazine "World of Science". - 2018. - №5. - II s.
4. Kon I.S. What is bullying and how to deal with it? / I.S. Kon // Family and school. - 2006. - №II. - S.15-18.
5. Kravtsova M.M. Rogue children psychological work with a problem / M. M. Kravtsova // Psychologist at school. - M: Genesis. - 2005. -- S. III.
6. Krivtsova S.V. Bullying in the classroom. How to avoid trouble?: A guide for parents / S.V. Krivtsova. - M.: 000 "Russian word-textbook", 2018.- 48p. (Federal State Educational Standard. Extracurricular activities. A world without aggression).
7. Lane D.A. School bullying (bullying) // Children's and adolescent psychotherapy / Ed. David Lane and Andrew Miller. - SPb.: Peter, 2001. -- S. 240-274.
8. Naumova N.N. Foreign studies of the phenomenon of bullying in 1980-90 / N.N. Naumova, A.S. Efimova // Psychological sciences. - No. 5-I. - 2018. -- S. 139-142
9. Nurutdinova A.R. Education in Japan: the problem of aggression of children and adolescents / A.R. Nurutdinova // Social pedagogy. - Publishing house: Scientific Research Institute of School Technologies. - Moscow, 2012. -- S. 97-108.
10. Petrosyants V.R. Psychological characteristics of high school students, participants in bullying in the educational environment, and their resilience: author. dlc. ... Cand. psychol. n. - SPb: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. -2011. - 29 p.
11. Soloviev D.N. Using the potential of the primary team in the prevention of bullying among adolescent schoolchildren: dis. ... Cand. ped. n. - Tyumen, 2015. - 228 p.
12. Shalaginova K.S. Age and sex characteristics of schoolchildren as predictors of the risk of bullying / K.S. Shalaginova, T.I. Kulikova, S.A. Zalygaeva // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. - 2019. - No. 3. - pp. 126-138. DOI: 10.18384 / 2310-7235-2019-3-126-138.